

TEGIM.KZ

СТЕПЬ, КОТОРАЯ ПОМНИТ ВСЁ

О Шежіре, Ру и памяти степи

«Жеті атасын білмеген — жетесіз»

Не знающий своих семи предков — без памяти и без корня

қазақ шежіресі әркімге

От редакции

Как мы пишем этот текст. Мы держимся правильного казахского написания: **Шежіре** (родословие), **Жеті ата** (семь предков), **Жүз, Ру, Таңба** (родовой знак), **Ұран** (боевой клич). Там, где речь идёт о предании, мы прямо говорим: это легенда. Там, где о подтверждённых событиях, — отделяем факт от мифа и называем даты. Степь рассказывала о себе голосом, у костра, без бумаги; мы лишь стараемся пересказать её честно — так, чтобы внук мог проверить деда, а правнук — внука.

Зачем всё это. Это не учебник и не список родов. Это попытка объяснить, почему человек степи держал в памяти десятки имён, почему «остаться без рода» было страшнее смерти и почему сегодня, когда у каждого есть паспорт и фамилия, мы всё равно строим **tegim.kz** — чтобы та древняя память не оборвалась на нашем поколении.

Голос из темноты

Прислушайтесь к темноте. То, что кажется ветром, — это переключка имён, которых не найти уже ни в одном списке живых. Они звучат тихо, но не умолкают.

Ночь. Казахская степь, чёрная и тёплая, как остывающий очаг, укрывает мир. Ни фонарей, ни городского гула — только ветер перебирает сухие стебли ковыля, да где-то далеко одинокий лай собаки, будто отголосок ушедших веков. И если вслушаться, начинает казаться, что это не просто свист ветра, а голоса — тихие, тянущиеся, идущие словно из самой земли. Имена, даты, родовые линии, которых нет ни в одном учебнике. Люди, что прожили свою короткую жизнь и оставили после себя лишь след копыта, остывший костёр да кровную нить, протянутую сквозь столетия — может быть, прямо к нам с вами.

С такой ночи и хочется начать этот разговор о роде. Не с лекции, не с сухой ведомости дат, а с попытки услышать. Потому что всё, что мы знаем о родах казахов, — это живое переплетение памяти, истории и тех бед, что не раз заставляли эту память замолчать.

Представьте обычный вечер триста лет назад. Вокруг костра сидят люди, молчат, только потрескивает дерево в огне. И вот один старик — седой, с тонкими, сухими руками — начинает говорить. Без книги, без единой записи, по памяти. Он называет имя, потом имя его отца, потом отца его отца — и уходит так всё глубже, в темноту веков, на семь, на десять, на пятнадцать колен назад. Дети слушают, затаив дыхание. Это не урок истории. Это переключка живых и ушедших, и сегодня очередь мальчика, что сидит ближе всех к огню: завтра ему повторить всё это слово в слово, ничего не упустив. Так память и передавалась дальше — из голоса в голос, из сердца в сердце.

А теперь окиньте взглядом всю эту землю, от Алтая до Каспия, — бескрайнее море травы. В каждом холме, в каждой ложбине — чьи-то кости, чья-то история. Здесь проходили караваны, горели и отстраивались аулы, поднимались и распадались ханства, и всё это

впитывалось в землю, как чернила впитываются в старую бумагу. Казахская степь — это не просто география. Она хранит прошлое не в каталогах и не за стенами хранилищ, а в самой земле и в людях, что по ней ходят, — и память её почти не знает пробелов. Только прочесть её дано не каждому.

Здесь мы попробуем прочесть её вместе. Пойдём не спеша, от простого к сложному: от того, что такое *Ру* и почему без него человек в степи был как лист, оторванный от ветки, — к *Жеті ата*, закону семи предков; от шежіре, той самой памяти без бумаги, — к трём жузам, к степному праву, к именам, что пережили целые империи, и к чёрным годам, когда эта память едва не оборвалась навсегда. А в самом конце вернёмся к началу — к простому вопросу о том, зачем всё это нужно сегодня человеку, у которого и так есть и паспорт, и фамилия, и телефон с напоминаниями.

Степь молчит лишь для тех, кто не умеет слушать.

Давайте научимся — вместе.

Степь без паспортов

Когда-то всё начиналось с ветра и табуна. Не было ни городов, ни паспортов, ни фамилий в нашем понимании. Был человек, был его конь, была трава до самого горизонта — и был род. Ру определял всё: с кем человек делил еду, кому отдавал дочь, кто вставал за него в бою и кто мстил за его кровь, если он погибал. Род был щитом, домом и тенью — всем сразу.

Представьте на минуту, что всё, чем вы дорожите, — дом, имя, сам воздух, которым вы дышите, — держится на одном коротком слове. Не на фамилии и не на титуле, а на имени рода. Утром оно способно спасти, вечером — погубить. В старой степи у человека не было ни удостоверения, ни прописки. Его Ру был всем разом: и пропуском, и судом, и приговором. Можно было родиться в бедной, дымной юрте — но, если род звучал так, что перед ним вставали, открывался любой порог.

«Чей ты?» вместо «как тебя зовут?»

Вот картина, какая повторялась в степи тысячи раз. Двое всадников встречаются посреди равнины. Ни дома вокруг, ни дороги, ни души на десятки вёрст — только ветер, ковыль да они двое. Видят друг друга впервые. С чего начнётся разговор? О чём старший спросит первым? Не «как тебя зовут?». Имя в степи весило меньше, чем мы привыкли думать. Он спросит: «*Кімнің баласысың?*» — «Чей ты сын?»

И по одному ответу узнавал почти всё: из какого человек рода, кто его предки, кем тот ему приходится — роднёй, гостем или, может стать, потомком давнего кровника. Знаток живого казахского языка Канат Тасибеков замечает тонкость: вернее и теплее спрашивали не «*Руың кім?*», а «*Қай атаның баласысың?*» — «Ты сын какого предка?». Прямой вопрос о роде звучал слишком в лоб, а вопрос о предке будто приглашал человека рассказать о себе.

За этой короткой формулой стоит целое мировоззрение. Человек степи не мыслил себя отдельной единицей. Он ощущал себя звеном цепи: не «я — такой-то», а «я — сын такого-то, внук такого-то». Назвать одно своё имя значило почти ничего о себе не сказать — всё равно что показать лист и умолчать, с какого он дерева. А назвать предков — значило развернуть всю свою биографию разом: откуда человек, чьей он крови, чего стоит и чего от него ждать.

«Жеті атасын білген ұл — жеті жұрттың қамын жейді».

«Сын, что знает семерых своих предков, радуется о благе семи земель», — говорили старики. Память о роде не замыкала человека на себе, а, напротив, делала его ответственным за целый мир вокруг.

Лестница в семь ступеней

У степного родства был на удивление точный язык. Там, где в русском языке обходятся словами «отец», «дед», «прадед», казахский язык строит целую лестницу, и у каждой ступени своё имя:

Әке — отец. Ата — дед. Арғы ата — прадед. Баба — прапрадед. Тек ата — тот, от кого идёт тек, самый корень. Түп ата — предок в глубине рода. И, наконец, Жеті ата — седьмой предок, что замыкает счёт.

Но на семи память не кончалась — она уходила куда глубже. Впрочем, это уже другая история.

Семь ступеней — число не случайное. До седьмого колена все, кто восходил к общему предку, считались близкой роднёй: они отвечали друг за друга и — главное — не могли брать жён внутри этого круга. Об этом законе у нас будет отдельная глава. Пока важно одно: знать свою лестницу предков наизусть было не упражнением для памяти и не данью вежливости. Это был способ выжить и остаться собой.

И был настоящий экзамен на это знание. Подросткового мальчика подзывали к старшим у костра и просили: „Жеті атаңды ата“ — назови семерых предков. И он называл — отца, деда, прадеда, и дальше, вглубь, пока хватало памяти. Сбился — старики поправляли, и он повторял снова, пока цепь не легла ровно, без единого

разрыва. Так память о предках переливалась из старого голоса в молодой, и нить не прерывалась.

Быть без рода

«Жеті атасын білмеген — жетесіз».

Не знающий своих семи предков — *жетесіз*. Одним словом это не перевести: тут и «беспамятный», и «непутёвый», и «пустой» — человек без стержня, без корня. А ещё говорили жёстче: незнание предков — знак сиротства, будто у человека и вовсе нет рода, будто он упал с неба.

И это не было простым укором. Род без преувеличения держал жизнь человека на ладони. Стоило оказаться в беде на дальней зимовке, среди чужих, — и первым спасал или губил ответ на вопрос «чей ты?». Назвал род — и дальний родственник, которого человек в глаза не видел, обязан был принять его, накормить, дать кров: таков закон гостеприимства, замешенный на крови. А не смог назвать — и ты никто: с человеком без рода нельзя было ни сесть за общую еду, ни породниться, ни пойти в поход.

Легенда. *Старики рассказывали о юноше, что полюбил девушку из враждебного рода. Ночью он переплыл реку, переоделся в чужое, спрятал тамгу — лишь бы его не узнали. И почти удалось. Но старуха, что варила кумыс у крайней юрты, услышала, как он вполголоса напевает, — и узнала напев своего рода. Наутро его нашли на берегу. В степи, говорили старики, даже песня выдаёт, чей ты. От рода не спрячешься: он звучит в тебе сам.*

«Быть без рода страшнее смерти» — это не ради красного словца. Даже смерть подчинялась Ру. Если человека находили погибшим вдали от дома, важно было одно: чтобы кто-то мог сказать — «он из такого-то рода». Тогда кости возвращали своим и хоронили полюдски. Род давал не только жизнь, но и достойную смерть.

Притча. *Рассказывают, что батыр из небогатого рода спас однажды на охоте ханского сына. Хан, поражённый его смелостью, сказал: «Проси что хочешь». Батыр мог попросить табуны, земли, золото. А попросил одно: «Пусть моим детям никогда не напоминают, что мы —*

не знатного рода». С тех пор, по преданию, в том ауле при знакомстве спрашивали не «из какого ты рода?», а «каков ты сам?». Степь умела ценить человека и помимо длины его родословной — но помнила и то, и другое.

Вот почему память о предках не была в степи стариковской забавой у огня. Это была опора, на которой стояло всё: безопасность, честь, брак, само место среди людей. Забыть предков — значило выпасть из мира.

И заметьте: всё это держалось без единого чиновника, без единой канцелярии. Там, где у оседлых народов были писцы, печати и пухлые книги учёта, у степи был только человек и его память. Каждый носил свою маленькую часть огромного общего знания и был обязан передать её дальше — в целости. Это была самая хрупкая на вид и самая прочная на деле система: её нельзя было сжечь при пожаре, отнять при набеге или потерять при переезде, потому что она жила в людях. Пока жив хоть один, кто помнит, — жива и связь.

Но чтобы эта опора держала, нужно было железно знать, кто кому родня и до какого колена. И у каждого рода были для этого свои приметы — знак, который выжигали на крупе коня, клич, с которым шли в бой, и суровый счёт за пролитую кровь. С них и начнём.

Ру: щит, дом и приговор

Весеннее утро на жайляу. Дым костра стелется по росе, пахнет палёным волосом. Молодого жеребёнка валят на бок, прижимают, и старший рода прикладывает к крупу раскалённое железо. Короткое шипение, вскрик животного — и на шкуре навсегда остаётся знак. Не клеймо хозяина по имени. Знак целого рода. Теперь этот конь может уйти за сто вёрст, потеряться, попасть в чужой табун — и всякий, кто увидит на нём эту чёрточку, будет знать: за ним стоит род, и шутки с ним плохи.

Так начинается разговор о том, из чего был сложен Ру. Потому что род был не красивой идеей «мы все родня». Это была работающая система, и у неё имелись свои опознавательные знаки, свой голос и своя — страшная — цена за человеческую жизнь. Разберём по очереди: *Таңба*, *Ұран* и *Құн*.

Таңба: герб, который выжигали на крупе

Таңба — родовой знак, простой, как чёрточка, и важный, как печать. По сути, это герб всего большого рода, только куда скупее европейских, перегруженных львами и коронами. Степь любила лаконизм: знак должен читаться с одного взгляда, издалека, на крупе бегущего коня. Им клеймили скот, помечали оружие, колодцы, ценные вещи. У зимовок тамгу выбивали прямо на скалах — так род метил землю, право на пастбище. В мире без заборов и нотариусов знак говорил яснее любой бумаги: это наше.

И знаки были говорящими — в каждом пряталась маленькая история. У рода *АДАЙ*, издавна славного воинами, на тамге — стрела. У рода *АЛАША* — боевая секира. У *ЕСЕНТЕМІРОВ* знак похож на букву «У»: это бакан, раздвоенный шест, которым поднимали кошму на верх юрты, — и тот же знак носили *ЫСЫҚ*, *ҚЫЗЫЛҚҰРТ*, *БАЙБАҚТЫ*, *ШЕРКЕШ*. У рода *ОШАҚТЫ* знак шёл от слова «ошақ», очаг, и сам когда-то изображал очаг. У *СІРГЕЛІ* — стилизованный сірге, намордник для жеребят,

которых отучали от матери. Прочтите такую тамгу — и услышите, чем жил род: войной, кочевьем, очагом.

Таңба жила и менялась вместе с родом. Сын брал знак отца и добавлял свою чётточку или чуть менял рисунок — и по самому узору можно было читать ветвление родов, как годовые кольца на срезе дерева. Обычай был древним: тамги знали ещё скифы и гунны, а у казахов, киргизов, ногайцев они дожили до нового времени. И сегодня эти знаки — на брелоках, чехлах телефонов, футболках: человеку по-прежнему важно показать, чей он.

Память, которую пытались стереть. Самый подробный труд о тамгах и боевых кличах казахских родов собрал Мухамеджан Тынышпаев — историк и первый премьер-министр Кокандской автономии. Его расстреляли как «врага народа», книгу запретили, изъяли из библиотек и почти всю уничтожили. То, что эти знаки вообще дошли до нас, — само по себе рассказ о том, как трудно убить родовую память.

Ұран: имя предка, с которым шли в бой

Если *Таңба* — знак для глаз, то *Ұран* — знак для слуха. Боевой клич рода, крик, с которым всадники бросались в атаку. Казахское войско делилось по родам, и в общей сече, в пыли и грохоте, *Ұран* был способом мгновенно собрать своих: услышал клич — и уже знаешь, где твои, куда поворачивать коня.

И вот что важно: чаще всего *Ұраном* становилось имя прославленного предка — батыра или почитаемого аксакала из седьмого-десятого колена. Реже — название родной земли. Выходит, в самый страшный миг жизни, поднимая саблю, человек выкрикивал имя своего деда. Память о предке не лежала тихо в голове — она гремела над полем боя и поднимала руку с оружием. В степи предки не отдыхали в архиве. Они шли в атаку вместе с живыми.

«Казах без рода — как песня без мелодии».

И это не поэзия. У каждого рода была своя «музыка»: довольно одного звука — **НАЙМАН, КЕРЕЙ, АРҒЫН, АЛШЫН, ДУЛАТ, ҚОҢЫРАТ** — и человек степи уже слышал за ним века походов, побед и потерь. Имя

рода звучало, как первая нота знакомого напева, за которой сразу угадывается вся песня.

Құн: когда жизнь измеряли в овцах

А теперь о самом суровом. Что бывало, когда человека убивали? В мире без полиции и тюрем за гибель сородича отвечал весь род. Древний обычай был прост и страшен: кровь за кровь. Но месть тянула ответную месть, и роды могли вырезать друг друга поколениями, пока не падал последний. Степь знала эту бездну — и придумала, как от неё отступить. Механизм назывался *Құн*, плата за кровь.

Смысл был такой: вместо мести потерпевшей стороне давали право взять возмещение — скотом. Принял *Құн* — отказался от мести, и круг разорван. Дать согласие было нелегко: взять за родного человека отару овец казаху долго не ложилось на сердце. Но именно через *Құн* — и через *Барымту*, узаконенный угон скота у должника, — мудрые бии гасили кровную вражду, не давая ей сжечь степь дотла.

В своде законов *Жеті Жарғы* (о нём — впереди отдельная глава) цена крови была расписана до мелочей. За убитого свободного мужчину — около тысячи овец. За женщину — вдвое меньше, пятьсот. Даже за увечье полагалась своя такса: за большой палец — сто овец, за мизинец — двадцать. А за человека «белой кости», *Төре* или *Қожа*, платили в семь раз больше, чем за простого общинника. К этому особому сословию мы ещё вернёмся.

Где факт, а где предание. Сами нормы *Құн* — документированное обычное право, зафиксированное в *Жеті Жарғы* и в трудах исследователей (Культелеев и другие). А вот красивые «дела» — как такой-то бий рассудил кровную тяжбу одной мудрой фразой и помирил два рода — чаще всего назидательные предания. Мы отделяем норму закона от притчи о ней, хотя и то, и другое по-своему правдиво.

И вот что стоит увидеть за всем этим. *Таңба*, *Ұран* и *Құн* — не три разные вещи, а три грани одного. Все они отвечают на единственный вопрос степи: чьё это и кто за это в ответе? Чей скот — скажет *Таңба*. Чьи воины — скажет *Ұран*. Чья кровь и кто платит — скажет *Құн*. Ру был и флагом, и тавром на крупе, и клятвой одновременно. Утром он

спасал, вечером — обязывал мстить или платить за чужой поступок. Принадлежность к роду была не строчкой в анкете — самой тканью жизни и смерти.

Но вся эта система держалась на одном тонком условии: нужно было точно, без ошибки знать, кто кому родня и до какого колена. Спутаешь счёт предков — и рухнет всё разом: и запрет на брак, и право на месть, и долг заплатить за кровь. Поэтому дальше — к самому закону, на котором стояло степное родство. К *Жеті ата*, правилу семи предков, которое нельзя было нарушить.

Жеті ата: закон, который нельзя нарушить

У человека могло не быть ни богатства, ни знатного имени, ни даже доброго коня. Но если он не знал своих семерых — он был никто. Семь имён, как семь ключей к памяти. Перепутаешь хоть один — и дверь больше не откроется.

В старой степи не было ни тюрем, ни полицейских, ни адвокатов в нашем смысле. Закон жил внутри человека — в его памяти. Это и был *Жеті ата*: семь поколений предков по отцовской линии, которые каждый мужчина обязан был назвать не задумываясь, как мы называем собственное имя. Не выучить — а знать так, чтобы, разбуди его среди ночи, он отчеканил всю цепь до седьмого колена.

Семь поколений — это примерно полтора-два столетия. Человек держал в голове имена, лица и истории, уходившие на двести лет назад. И это не было редким даром избранных — это умел почти каждый. Память была не роскошью, а условием того, чтобы человека считали человеком в полном смысле слова.

Зачем нужно было знать семерых

Главная причина была кровной — в самом прямом смысле. До седьмого колена жениться внутри своего рода строго запрещалось. Чтобы взять жену, нужно было доказать, что между родом жениха и невесты и их общим предком лежит не меньше семи поколений. Иначе брак считался позором, а то и преступлением против самого рода.

Сегодня мы знаем, что за этим стояла и точная биологическая правда: близкородственные браки ведут к вырождению, к больному потомству. Степь не знала слова «генетика», но знала результат — и зашила защиту прямо в закон памяти. Знание семи предков было, по сути, древнейшим способом уберечь кровь народа здоровой. *Жеті ата* работал как живая, передаваемая из уст в уста охранный грамота рода.

Была и вторая причина — ответственность. Все, кто восходил к общему предку в пределах семи колен, отвечали друг за друга: за долг, за пролитую кровь, за честь. Зная свою семёрку, человек точно знал, кто за него встанет и за кого должен встать он сам. Память была картой обязательств — кто кому родня, а значит, кто кому должен.

«Жеті атасын білмеген — жетімдіктің белгісі».

«Не знающий семи предков — отмечен сиротством», — говорили в народе. И это было хуже бедности: бедного жалели, а беспамятного — стыдились.

Экзамен у костра

Знание семерых проверяли всерьёз. Подросткового юношу подзывали к старейшинам и просили назвать предков. Он называл — отца, деда, прадеда, и дальше, вглубь, ступень за ступенью. Старики слушали и поправляли, если он спотыкался, и он повторял снова, пока цепь не ложилась без единого разрыва. Это был не урок и не забава — это был обряд взросления. Назвал семерых твёрдо — значит, ты мужчина рода, и тебе можно доверить коня, оружие, невесту. Сбился — значит, ещё рано, учись дальше.

Притча. Рассказывают, как двое поспорили о земле и пришли к старому бию. Тот не стал слушать про межи и колодцы, а спросил каждого: «Назови семерых своих предков». Один назвал легко, другой запнулся на четвёртом. И бий сказал: «Кто не помнит, от кого пришёл на эту землю, тому не о чем спорить, чья она». Спор решился сам собой. В степи помнили: право на землю и право на слово начинались с памяти о предках.

Цепь, которую нельзя ронять

Жеті ата был не просто перечнем имён. Это была цепь, и каждое звено держало следующее. Пока человек помнил семерых, он знал своё место в мире: кому он родня, на ком нельзя жениться, за кого отвечает, кого может звать на помощь. Уронишь одно звено — и рвётся вся связь. Вот почему за этим знанием следили так строго: забывчивость одного грозила бедой многим.

И вот что удивительно: это правило не умерло. Спросите сегодня казаха постарше — и многие, чуть подумав, начнут перечислять: эке, ата, арғы ата... Кто-то дойдёт до седьмого колена легко, кто-то споткнётся на четвёртом и смутится. *Жеті ата* и сейчас живёт в семьях — в том, как дед усаживает внука и заставляет повторять имена, в том, как на больших тоях расспрашивают молодожёнов об их родах, проверяя по старому правилу, не слишком ли близка кровь. Закон, рождённый степью без единой буквы, оказался прочнее многих писанных уложений: он пережил ханства, империи и границы и тихо работает до сих пор.

И всё же сам по себе *Жеті ата* — это только семь шагов вглубь. А память степи уходила дальше, гораздо дальше — на десятки колен, к самым корням народа. Эту большую, разветвлённую память, в которую *Жеті ата* входил лишь началом, называли шежіре. О ней — следующая глава, и она, может быть, самая важная из всех.

Шежіре: память, которой верили больше, чем бумаге

Представьте, что вся история вашего рода — за двести, триста лет — не записана нигде. Ни строчки в архиве, ни папки в шкафу. И при этом она не потеряна: её целиком держит в голове живой человек, и стоит его попросить — он развернёт её перед вами, имя за именем. Звучит как чудо. Но именно так и жила степь.

То, что мальчишка у костра отвечал на семь колен, было лишь началом. Настоящая память уходила куда глубже — на десять, пятнадцать, двадцать поколений, к самым корням народа. И за каждым именем стоял не просто человек, а его судьба: этот был батыром, этот ушёл в чужие края, этот взял жену из соседнего народа, этот предал и был проклят. Эту большую, развёрнутую в полный рост память и называли шежіре.

Если *Жеті ата* — это семь ступеней, то шежіре — вся лестница целиком, до самого низа, до первого предка. Имена, войны, браки, ссоры, переселения, измены и подвиги — всё, что случилось с родом за века, сплетённое в одно живое полотно. Каждый род — отдельная ветвь огромного дерева, и шежіре показывало, как эти ветви сходятся к общему стволу.

Память без единой буквы

И вот что поражает больше всего: шежіре существовало без бумаги. В степи не было ни архивов, ни библиотек, ни писцов, ведущих учёт. И всё равно почти каждая семья знала, откуда она, — на десятки колен назад. Знание, которое в оседлых странах доверяли пергаменту и замку, степь доверяла человеческому голосу. И голос не подвёл: он пронёс эту память через века.

Этнографы потом ломали голову: как люди без письменности удерживали в памяти столько имён и связей — целые столетия родословной в головах простых пастухов? Ответ оказался прост. Это

была не просто память — это был долг. Народ хранил шежіре сообща: каждый держал свою часть. Один забыл — другой вспомнил; род поредел — соседи передавали его имена своим детям, чтобы цепь не оборвалась. Память без единого хранилища — и при этом почти ничего не терявшая.

Кто хранил большую память

Были и особые люди — шежіреші, знатоки родословной. Старики с безупречной памятью, к которым приходили за справкой, как мы приходим в архив: кто кому родня, можно ли этим двоим пожениться, чей предок старше в роду. Их слово ценилось высоко, потому что от него зависели браки, наследство, мир между ветвями. Хороший шежіреші был живой книгой, которую нельзя сжечь и нельзя подделать, — её можно было только слушать и запоминать. Был для них и отдельный старинный термин — насабшы, человек, знающий родословную родов и племён.

Эти люди не остались безымянными. Когда в степь пришла письменность, именно шежіреші взялись перенести устную память на бумагу — и тем спасли её. Машхур Жусуп Копеев, поэт и собиратель из Баянаула, всю жизнь ездил по аулам, записывая родословные, предания и песни; он прямо говорил, что история казахов без устного слова будет неполной, как юрта без шанырака. Шакарим Кудайбердыулы в 1911 году издал «Родословную тюрков, киргизов, казахов и ханских династий» — одну из первых печатных шежіре. А Мухамеджан Тынышпаев, о чьём труде о тамгах мы уже говорили, свёл воедино родовую историю целого народа. Это были последние хранители костра — те, кто успел переложить устную память в книги перед самой бурей XX века.

Где факт, а где предание. *Что шежіре хранили и передавали изустно на десятки колен — твёрдый этнографический факт. А вот рассказы об отдельных шежіреші, что без запинки называли по триста имён или помнили родословную целого жуза, — это уже предания о силе памяти, и проверить их дословно мы не можем. Но сам дар степной памяти был настолько силён, что и без преувеличений изумляет.*

Когда память сошлась с наукой

Самое удивительное случилось позже, когда учёные начали записывать шежіре и сверять его с историей и наукой. Совпадения оказались поразительными. Там, где предания говорили о древних переселениях, археологи находили следы стоянок. Там, где род рассказывал: «наш предок взял жену из соседнего народа», — генетики позже подтверждали смешение линий. Устная память, которую так легко было бы счесть сказкой, снова и снова оказывалась права.

Это и есть главное чудо шежіре: оно было не сборником красивых легенд, а на удивление точной системой учёта — кто на ком женился, кто перешёл в другой Жүз, кто прославился, кто оставил пятно на роду. Живой росписью степи, которую держали не на бумаге, а на устах и в сердцах. И пока эта роспись жила, народ знал себя.

Но чтобы понять, как вся эта память была устроена в большом, в масштабе целого народа, нам нужно подняться выше отдельного рода — туда, где роды собираются в три великих крыла. К трём жузам.

Три жуза: не раскол, а равновесие

Спросите казаха, и почти каждый скажет, к какому жузу принадлежит: Ұлы, Орта или Кіші — Старшему, Среднему или Младшему. Это самое крупное деление народа, три огромные ветви, на которые сходятся сотни родов. И первое, что нужно понять: это не три разных народа и не след какого-то раскола. Это три крыла одной птицы.

Легенда. Предание возводит жузы к Алаша-хану, мифическому прародителю казахов. По легенде, он разделил землю и народ между потомками и дал им «три крыла» — старшее, среднее и младшее, — сказав, что птица казахского народа будет лететь, пока целы все три. Это красивый образ, и в нём есть глубокая правда о единстве в разделённости. Но историки относят само деление на жузы к куда более поздним векам, и о точных его причинах спорят до сих пор: где здесь предание, а где история — честнее сказать прямо.

Кто в каком крыле

Ұлы Жүз — Старший, кочевал на юге и юго-востоке, в Жетысу — краю рек и предгорий. Его опора — древние Ұйсін и могучие Дулат; к нему же относят Жалайыр, Қаңлы, Сіргелі, Ошақты, Шанышқылы и другие роды. Это земли старых городов и караванных путей, и крыло это считалось по счёту старшим.

Орта Жүз — Средний, занимал центр и северо-восток степи. Здесь — Арғын, многочисленные и влиятельные, воинственные Найман, Керей, древние Қыпшақ, Қоңырат, а также Уақ и Тарақты. Это крыло дало народу множество биев, книжников и поэтов; недаром Средний Жүз называли средоточием слова и мысли.

Кіші Жүз — Младший, держал запад, степи у Каспия и Урала. Его костяк — союз Алшын, и внутри него три большие ветви: Әлімұлы, Байұлы и Жетіру. Под именем Байұлы собраны воинственные роды запада — Адай, Беріш, Шеркеш, Маскар, Таз, Алаша, Есентемір и другие.

Это крыло первым встречало беду с запада и потому славилось особой воинской твёрдостью.

Где факт, а где предание. Состав жузов и крупные роды — надёжно описаны этнографами (Востров, Муканов и другие). А вот происхождение самого деления на три и его точная дата — предмет научных споров: одни видят в нём древнюю военно-территориальную организацию, другие — более позднее устройство. Легенда об Алаша-хане объясняет это красиво, но это объяснение мифа, а не документ.

И здесь стоит заметить, что даже внутри стройной системы трёх жузов есть роды, чья история — не прямая нить, а целое путешествие сквозь века и народы. Таков, например, упомянутый среди родов Ылы жуза **ШАНЫШҚЫЛЫ**: его относят к Старшему крылу, но за этим стоит особая история происхождения, к которой мы вернёмся в разговоре о науке и шежіре.

Зачем степи три крыла

Главное же — вот в чём. Три жуза были не слабостью, не трещиной в народе, а продуманной системой равновесия. Каждое крыло держало свою землю, свои пастбища, свои рубежи. В мирное время они жили своими заботами, но перед общей бедой сходились в один кулак. Сохранилось наблюдение русского чиновника XIX века: внутри себя казахи разделены на роды и жузы, но против общего врага становятся единым телом.

Народ держался не вопреки делению на три части, а во многом благодаря ему. Три крыла давали гибкость: пока одно отбивалось, другое заходило с тыла, третье берегло семьи и табуны. Это была не схема из учебника, а живой способ выжить на огромной, открытой всем ветрам земле. И этот способ работал столетиями.

Стоит добавить и то, что деление на жузы никогда не было стеной. Между крыльями роднились, торговали, вместе кочевали на пограничных пастбищах, вместе поднимались на врага. Человек из Ылы жуза мог взять жену из Орта жуза, батыр одного крыла мог водить в бой ополчение другого. Жүз говорил, откуда ты родом и к какому большому древу принадлежишь, — но не запирает тебя внутри. Это

была не перегородка, а скорее три русла одной реки: каждое течёт само по себе, но вода в них общая, и впадают они в одно море.

И сегодня деление на жузы живо — но не как стена и не как повод для счёта, кто старше. Это скорее способ почувствовать своё место в большой картине: сказать «я из Орта жуза» — значит ощутить за спиной не только свой род, но и огромную ветвь народа с её историей, её батырами, её песнями. Мудрый человек помнит, к какому крылу принадлежит, но никогда не меряет этим другого — потому что все три крыла, как мы видели, поднимают в небо одну и ту же птицу.

Но у всякого крыла есть и те, кто стоит особняком, — люди, которых не вписать ни в Ылы, ни в Орта, ни в Кіші. Потомки ханов, духовные роды, особое сословие «белой кости». О них — следующая глава.

Ақ сүйек и қара сүйек: кость белая и чёрная

Степь любила говорить, что перед лицом джута и врага все равны — и бедняк, и богач лягут в одну землю. И всё же был один рубеж, через который не перешагивали: деление на ақ сүйек, «белую кость», и қара сүйек, «чёрную кость». Только не спеши понимать это как «знать и чернь» на европейский лад. Здесь всё было устроено иначе и тоньше.

«Чёрная кость» — это вовсе не оскорбление и не клеймо бедности. Это огромное большинство народа: все роды всех трёх жузов, и богатые, и бедные, и прославленные батыры, и мудрые бии. Қара в старом степном смысле — это «основа», «множество», как «чёрная земля» — самая плодородная. Чёрная кость кормила, воевала, судила и правила словом. А «белая кость» — это те немногие, кто стоял вне родовой структуры жузов, по особому праву рождения.

ТӨРЕ: потомки Чингисхана

Главная «белая кость» степи — это ТӨРЕ, потомки Чингисхана через его сына Джучи. Только они по древнему праву могли быть ханами. Можно было быть самым богатым, самым храбрым, самым мудрым человеком степи — но не из ТӨРЕ, и путь к ханству был закрыт. Эта дверь была закрыта рождением. Оттого ханов и звали «ТӨРЕ», а само их положение стояло как бы поперёк всех жузов: чингизид не принадлежал ни Старшему, ни Среднему, ни Младшему крылу — он был над ними.

Отсюда и особый счёт за их кровь. Помнишь цену крови, Құн? За убитого ТӨРЕ платили в семь раз больше, чем за человека «чёрной кости». Не потому, что его жизнь была в семь раз дороже по-человечески, а потому, что в нём текла кровь Чингисхана, и закон ограждал её особо.

ҚОЖА: духовная кость

Была и другая «белая кость» — ҚОЖА. Их возводили к арабским проповедникам ислама, к потомкам сподвижников Пророка, пришедшим в степь нести веру. ҚОЖА стояли особняком: они хранили молитву, грамоту, обряд, женились по своим правилам, чаще внутри своего круга, и тоже не входили в обычную родовую структуру жузов. Если ТӨРЕ были «белой костью» власти, то ҚОЖА — «белой костью» веры.

Где факт, а где предание. То, что ТӨРЕ — реальные потомки Джучи и обладали исключительным правом на ханство, надёжно подтверждено историей. А вот возведение каждого конкретного рода ҚОЖА к определённому сподвижнику Пророка — отчасти документ, отчасти семейное предание. Степь дорожила этими родословными, но проверить их на всю глубину сегодня можно не всегда.

Зачем степи была «белая кость»

Может показаться, что всё это — просто древняя сословная спесь. Но у деления был смысл, и важный. «Белая кость» стояла над жузами и родами — а значит, могла судить и мирить, не будучи кровно заинтересованной в пользу одной из сторон. Хан-чингизид не был «своим» ни одному крылу, и потому мог быть общим. В мире, где каждый держался за свой род, нужен был кто-то над родами, чей авторитет не сводился к силе одного клана. Эту роль и держала «белая кость».

Так складывалась хитрая, выверенная конструкция: «чёрная кость» — это сам народ, его сила, его множество; «белая кость» — это надродовая опора власти и веры. Одно без другого не стояло.

И стоит сказать ещё об одном, чтобы не осталось ложного впечатления. «Белая кость» вовсе не жила особняком, в стороне от народа. Хан-чингизид без поддержки родов был ничем: его поднимали на белой кошке старейшины тех самых жузов, и без их согласия власть его не стоила ничего. ҚОЖА кочевали вместе со своими аулами, лечили, учили грамоте, мирили враждующих. Иначе говоря, «белая кость» была не господами над народом, а особым его сословием, у которого

были и свои преимущества, и свои обязанности перед всеми. Степь не знала ни рабов, ни крепостных в том смысле, в каком их знали оседлые царства, — она знала разные роли в одном общем теле народа.

Полезно помнить об этом и сегодня, когда слова «ақ сүйек» и «қара сүйек» иногда понимают грубо — будто это про «знатных» и «простых». На деле степь вкладывала в них совсем другое: не превосходство одних над другими, а распределение ролей в общем деле выживания. «Чёрная кость» — это становой хребет народа, его большинство, его сила и труд; «белая» — тонкая прослойка, что брала на себя особые задачи власти и веры. Гордиться стоит и тем, и другим: и в крови простого пастуха, и в крови хана текла одна степная вода.

А скрепляло всё это здание — и «чёрную кость», и «белую» — степное право, закон, выросший не из чернил, а из обычая и мудрости судей. К нему и перейдём.

Жеті Жарғы: степь, что судила без тюрем

Страна размером в пол-Европы. Ни тюрем, ни полиции, ни писанных уложений в переплёте, ни судей в мантиях. И при этом — есть закон, и его слушаются. Как такое возможно? Ответ степи назывался *Жеті Жарғы* — «Семь установлений», свод законов, что держал огромный кочевой мир в порядке одной лишь силой обычая и слова.

Хан и три мудреца

В конце XVII века Казахским ханством правил Тәуке хан — правитель, которого позже назовут устроителем степного порядка. Время было тяжёлое: ханство раздирали распри, а с востока уже надвигалась джунгарская гроза. Тәуке понял: чтобы выстоять, народу нужны не только воины, но и единый закон, признаваемый всеми тремя жузами.

И он собрал мудрейших. История сохранила трёх великих биев, по одному от каждого крыла: Төле би от Ұлы жуза, Қазыбек би от Орта жуза и Әйтеке би от Кіші жуза. На холме Күлтөбе, где, по преданию, сходились для совета вожди всех жузов, они свели воедино старые обычаи и прежние установления — «Светлый путь Қасым-хана» и «Древний путь Есім-хана» — в новый свод. Так родился *Жеті Жарғы*.

Легенда. О Қазыбеке рассказывают, откуда его прозвище — Қаз дауысты, «с голосом, как у гуся». Ещё юношей он отправился послом к джунгарскому хану — вызволять пленных. Хан, привыкший, что перед ним робеют, услышал, как смело и звонко говорит этот молодой казах, и поразился: «Голос твой чист, как клич гуся, — отныне зовись Қаз дауысты Қазыбек». И, говорят, посольство вернулось домой, выведя из плена девяносто человек со всем их отнятым скотом. Так в степи слово ценилось не ниже сабли.

О чём был закон

Жеті Жарғы охватывал всё, на чём держалась жизнь степи. Земельные споры — чья зимовка, чьи пастбища. Семейные дела — сватовство, калым, вдовство. И, конечно, те самые тяжбы о крови, *Құн* дауы, где решалось, мстить или брать плату. Закон расписывал цену крови до мелочей, о которых мы уже говорили: тысяча овец за мужчину, вдвое меньше за женщину, особый счёт за «белую кость».

Но судили по этому закону не чиновники, а бии — мудрецы, чей авторитет держался не на должности, а на уме, красноречии и безупречной справедливости. Бием нельзя было назначить — им становились, когда народ начинал нести к нему свои споры и принимать его слово как окончательное. Решение совета биев было обязательным, и до следующего совета никто не смел его отменить.

Сила слова вместо силы стен

Вот что было самым удивительным в степном праве: оно держалось не на тюрьмах и палачах, а на слове и стыде. Виновного не запирали — с него взыскивали скотом, его покрывал позор перед всем родом, а род отвечал за него сообща. Боязнь уронить честь рода работала крепче любых решёток. Человек, опозоривший свой *Ру*, терял то, дороже чего в степи не было, — доброе имя предков и потомков.

Где факт, а где предание. *Сам Жеті Жарғы, имена трёх биев и их роль — это история, подтверждённая и источниками, и исследователями казахского права. А вот множество «дел биев» — как мудрым словом примиряли кровников или решали спор одной поговоркой — дошли до нас как назидательные предания, шешендік сөздер. Они правдивы по духу, даже когда мы не можем поручиться за каждое слово.*

Был у степного права и ещё один, неписанный, но важнейший устой — слово, данное при свидетелях. Договор скреплялся не печатью и не подписью, а произнесённой клятвой и рукопожатием старейшин. «Ердің құны» — цена слова мужчины — порой стояла выше цены имущества. Нарушить данное слово значило покрыть позором не только себя, но и весь род до седьмого колена, а такого в степи боялись больше, чем любого штрафа. Оттого и держалось огромное кочевое общество без письменных договоров: вместо бумаги работала память и честь, а они оказались опорой не менее прочной, чем камень.

И всё это снова возвращает нас к памяти о роде. Ведь и цена слова, и страх позора держались на одном: человек знал, что отвечает не только за себя. За его спиной стоял весь *Ру* — и живые, и ушедшие, и ещё не рождённые. Опозоришь имя — и тень ляжет на деда, которого уже нет, и на внука, который ещё не родился. Вот почему степное право не нуждалось в тюрьмах: самым строгим судьёй был не бий, а память рода, которая помнила всё и которой стыдно было смотреть в глаза. Закон жил не в книгах, а в этом тихом, постоянном чувстве ответственности перед своей длинной чередой предков.

Жеті Жарғы был вершиной степного порядка — законом, в котором родовая структура, цена крови и власть слова сошлись в единое здание. Но это здание стояло не в пустоте. Его строили и защищали живые люди — ханы, батыры, бии, чьи имена степь пронесла через века и которыми гордится до сих пор. О таких именах — следующая глава.

Имена, что пережили империи

Есть имена, которые род хранит особо. Не просто звено в цепи предков, а человек, которым гордится весь народ, чьё имя выкрикивали как *Ұран* и передавали из поколения в поколение, как драгоценность. Степь умела рождать таких людей — и умела их помнить. Об одном из них стоит рассказать особо, потому что его имя знают далеко за пределами степи.

Раб, ставший султаном Египта

Его звали Бейбарс. В XIII веке мальчишкой из кипчакских степей он попал в плен и был продан в рабство — обычная и страшная судьба тех времён. Его привезли в Египет и сделали воином-мамлюком: из таких рабов-солдат там готовили грозную гвардию. Но этот раб поднялся выше всех. Он стал полководцем, а затем и султаном Египта, правившим с 1260 по 1277 год.

Это он в битве при Айн-Джалуте остановил казавшихся непобедимыми монголов — одно из тех сражений, что изменили ход мировой истории. Мальчик из степи, проданный в рабство, стал одним из величайших правителей средневекового Востока. Для казахов он — предмет особой гордости: свой, степной кипчак, поднявшийся на вершину чужого могущественного мира и не сломавшийся.

Где факт, а где предание. *То, что Бейбарс был кипчаком из Великой степи, — установленный факт средневековых источников. А вот его точное место рождения и конкретный род до сих пор спорны: разные хроники называют разные земли и племена. Поэтому, когда его чтят именно как предка такого-то рода, мы вступаем в область национальной гордости и предания. Бейбарс принадлежит всей степи — и в этом, может быть, больше правды, чем в любой узкой привязке.*

Почему степь так держалась за имена

Зачем кочевому народу, у которого и без того тяжёлая жизнь, было помнить героев на сотни лет? Затем же, зачем он помнил предков. Имя великого человека было доказательством: мы — народ, способный рождать таких. В трудный час, когда враг казался сильнее, память о Бейбарсе, о батырах, о мудрых биях говорила человеку: твой народ уже побеждал, ты из той же крови — значит, и ты выступишь.

Имена были не украшением родословной, а её опорой. Они держали дух так же, как *Жеті ата* держал родство. Назвать в трудный день имя славного предка — всё равно что опереться на его плечо. Вот почему степь так берегла свои имена и так горевала, когда их пытались отнять.

«Ел екеніңді ұмытпа, ер екеніңді ұмытпа».

«Не забывай, что ты — народ; не забывай, что ты — воин», — этим жила степь. Слово «ер» здесь — про мужскую доблесть: про воина и опору рода. Память о великих именах и была способом не забыть ни того, ни другого — ни что ты часть народа, ни что ты призван быть его защитой.

Но за вершинами славы шли и пропасти. Степь рождала султанов и батыров — и она же знала годы, когда народ стоял на самом краю гибели, когда сама нить памяти могла оборваться навсегда. О таких годах — следующая, самая тяжёлая часть нашего разговора.

Степь под ударом: годы, когда рвалась нить

До сих пор мы говорили о том, как степь хранила память. Теперь — о том, как эту память пытались разорвать. Потому что родовая структура, шежіре, *Жеті ата* — всё это родилось не в тиши, а под ударами, и не раз казалось, что вот-вот оборвётся навсегда. Степь знала годы такой беды, что само существование народа повисало на волоске.

Қатаған қырғыны: брат на брата

В первой трети XVII века, около 1627 года, степь сотрясла кровавая распря. Правил тогда Есім хан, а в Ташкенте сидел Тұрсын хан, опиравшийся на могучее племя **ҚАТАҒАН**. Соперничество двух правителей вылилось в резню, которую запомнили, как **ҚАТАҒАН ҚЫРҒЫНЫ** — «истребление катаганов». Некогда сильное племя было разгромлено и рассеяно: часть ушла к узбекам, часть растворилась среди других родов. Запомним эту развязку — она нам ещё понадобится, когда мы дойдём до истории рода **ШАНЫШҚЫЛЫ**, выросшего как раз из уцелевших катаганов.

Это была беда внутренняя, степь ранила сама себя. Но впереди ждала беда пострашнее — пришедшая извне, едва не стёршая народ с лица земли.

Ақтабан шұбырынды: великое бедствие

С востока на казахов надвигалась Джунгария — сильное и воинственное государство ойратов. Набеги шли давно, но весной 1723 года грянула катастрофа. Джунгарское войско обрушилось внезапно, когда роды мирно готовились откочёвывать на летние пастбища и не ждали удара. То, что началось, народ назвал «Ақтабан шұбырынды, Алқакөл сұлама» — «Брели, пока не побелели подошвы, падали без сил у озёр». Годы великого бедствия, 1723–1727.

Эти слова надо прочувствовать. Люди бежали целыми аулами, бросая скот и скарб, брели так долго и так далеко, что стирали ноги в кровь, до белых подошв, и падали без сил у солёных озёр. Беженцы ели кору берёзы, выкапывали горькие корни. По свидетельствам, погибла едва ли не половина народа. Возникла прямая угроза: казахи могли исчезнуть как народ. Соседний киргизский народ бежал в горы Гиссара — и в степи родилась горькая поговорка о том времени, когда «казах пил берёзовый сок, а киргиз ушёл в Гиссар».

Подумайте, что значила такая откочёвка для памяти, о которой мы говорим всю дорогу. Мать тащит на руках ребёнка, старик отстаёт и садится в снег, чтобы не задерживать своих, — и вместе с этим стариком уходит всё, что он держал в голове: имена, родословные, предания на десять колен назад. Каждый, кто падал у тех солёных озёр, уносил с собой кусок шежіре, который больше некому было повторить. Великое бедствие было не только по живым — оно рвало нить, связывавшую живых с ушедшими.

«Елім-ай». Из тех чёрных лет вышла песня, которую казахи поют и сегодня, — «Елім-ай», «Народ мой». Это плач по разорённой земле и рассеянному народу, и в нём — вся боль великого бедствия. Песня пережила беду, как и сам народ: пока её поют, память о тех годах жива. Это и есть шежіре в звуке — родословная горя и стойкости.

Как поднялись с колен

Но степь не легла умирать. В 1726–1727 годах народ собрался для отпора. У холма Ордабасы под Шымкентом сошлись ополчения всех трёх жузов, и вожди дали клятву забыть распри и стоять вместе. Поднялись имена, что стали легендой: батыры Бөгенбай и Қабанбай, молодой Абылай, хан Әбілхайыр во главе общего войска. И когда у Аңырақая казахская лава пошла в атаку, над полем гремели уже не разрозненные кличи отдельных родов, а единый зов всего народа. Джунгары были разбиты.

Вот здесь и сказалась сила родовой структуры. Народ, разорванный, рассеянный, почти уничтоженный, сумел собраться обратно именно потому, что каждый знал, чей он, к какому роду и жузу принадлежит. Три крыла, о которых мы говорили, сложились в один

кулак. Память о родстве оказалась не только утешением у костра — она стала тем каркасом, по которому народ заново собрал себя из осколков.

Эту мысль стоит остановить и взвесить, потому что в ней — весь смысл нашего разговора. Что спасло казахов в годы, когда их могло не стать вовсе? Не крепостные стены — их не было. Не регулярная армия — её тоже не было. Спасло именно то невидимое, о чём мы говорим всю дорогу: знание родства, ощущение «мы — один народ, разделённый на роды, но связанный кровью». Пока человек помнил, чей он, он знал, рядом с кем встать в строю и за кого умереть. Память о предках в тот час перестала быть преданием у огня и обернулась оружием — может быть, самым сильным из всех, что были у степи. Народ, который помнит, кто он, оказалось, очень трудно уничтожить.

Степь выстояла. Но впереди её ждал ещё один удар — в XX веке, и по самой нити памяти он пришёлся страшнее джунгарской сабли.

Голод: когда едва не оборвалась цепь

Есть раны, о которых трудно говорить даже спустя век. Голод начала 1930-х годов — одна из самых страшных страниц в истории казахов, и обойти её, рассказывая о памяти народа, нельзя. Потому что этот удар пришёлся не только по телу народа, но и по самой его памяти — по той живой цепи имён, что тянулась из глубины веков.

Что произошло

На рубеже 1920–30-х годов кочевой уклад, тысячелетиями кормивший степь, был сломан за считанные годы. Насильственная коллективизация и принудительный переход кочевников на оседлость, изъятие скота — всё это обрушилось на народ, чья жизнь целиком держалась на стадах и перекочёвках. Скот гиб и изымался, а вместе со скотом уходила сама основа существования. К рукотворной беде добавился джут — степная стихия бескормицы.

Результат был чудовищным. По оценкам историков, в голоде 1931–1933 годов погибло около полутора миллионов человек — огромная доля всего народа. Целые аулы вымирали, другие снимались с мест и уходили — в Китай, в соседние республики, куда угодно, лишь бы выжить. Степь, пережившая джунгар, теперь теряла людей счётом, какого не знала никогда.

Удар по самой памяти

Но была у этой беды и особая, незаметная сторона, прямо связанная со всем нашим разговором. Шежіре жило в людях и передавалось из уст в уста, от старика к внуку. А когда вымирают целые аулы, когда старшее поколение уходит, не успев передать память младшим, когда семьи раскидывает по чужим краям, — рвётся сама нить. Умирал старик — и вместе с ним умирала родословная, которую он один держал в голове. Гасла живая книга, и переписать её было уже не с кого.

В народной памяти у тех лет осталось своё горькое имя — Асхаршылық, Великий голод. Уцелевшие потом вспоминали не только муку и смерть, но и то, как рвались семьи: ребёнок, отданный в чужие руки ради спасения, нередко вырастал, уже не зная толком, из какого он рода. Голод отнимал не только жизнь — он отнимал у выжившего его собственное имя в длинной цепи предков. И это, может быть, самая тихая из его жестокостей.

Вот почему после этой беды шежіре стало для уцелевших особенно дорого. То, что веками казалось вечным и само собой разумеющимся — что внук всегда знает деда, а род помнит себя на десять колен, — вдруг оказалось хрупким. Память, которую не смогли стереть ни джунгары, ни века, едва не угасла за несколько голодных лет. И те, кто выжил, поняли цену каждому сохранённому имени.

Где факт, а где осмысление. Масштаб голода 1931–1933 годов и его причины — предмет серьёзных исторических исследований, и цифра около полутора миллионов погибших опирается на работы демографов и историков. Связь же голода с разрывом устной родовой памяти — это наше осмысление, но оно стоит на простом и грустном факте: память, что жила в людях, гибла вместе с людьми.

И всё же даже из этой беды народ вынес не только горе, но и урок. Те, кто выжил, поняли цену каждому сохранённому имени так остро, как не понимали прежде. Старики, пережившие голод, торопились передать внукам всё, что помнили, пока не поздно. Семьи, разбросанные по чужим краям, искали друг друга и восстанавливали оборванные ветви по крупичам — по чьему-то рассказу, по полузабытому имени, по случайной встрече земляка на базаре. Шежіре, которое веками казалось чем-то само собой разумеющимся, вдруг стало тем, что нужно беречь сознательно, как берегут последнюю искру в холодную ночь.

Есть в этом и тихий, почти невидимый подвиг. В самые чёрные годы, когда не хватало хлеба, находились люди, которые вместе с последним куском передавали детям ещё и память: «запомни, сынок, ты из такого-то рода, твой дед — такой-то, а его отец — такой-то». В разорённой землянке, на чужбине, у потухающего очага звучала всё та же перекличка имён, с которой мы начинали эту историю. Голод мог

отнять стада, дома, родных — но не сумел до конца отнять это. Память оказалась тем, что человек уносил с собой даже тогда, когда у него не оставалось уже ничего другого. И в этом упрямстве — может быть, главное доказательство того, зачем она вообще нужна.

Эта глава — самая горькая. Но она же объясняет, почему всё, о чём мы говорим, не музейная древность, а живая нужда. Память, которую столько раз пытались оборвать, дошла до нас не целой — со швами, с пробелами, с потерянными ветвями. И сегодня у нас впервые появились средства не только хранить её, но и восстанавливать. О том, как память степи встречается с современной наукой, — следующая глава.

Шежіре и наука: где правда, а где красивая легенда

Сегодня у родословной появились новые союзники, о которых не мечтали старики у костра: архивные документы, академическая этнография, а с недавних пор — генетика, чтение ДНК. И вот что важно понять: наука шежіре не отменяет. Она проверяет его, спорит с ним, кое-где поправляет — а кое-где, к общему изумлению, подтверждает то, что степь помнила и так.

Лестница надёжности

Когда речь заходит о происхождении рода, не все источники равны. Есть как бы лестница надёжности, и на ней стоит держаться твёрдо. Прочнее всего — данные генетики: они говорят о кровном родстве напрямую, без посредников. Следом — академическая этнография, кропотливые труды учёных вроде Вострова и Муканова, построенные на сравнении источников. Затем — классические шежіре, записанные знатоками родословной. И только в самом низу — популярные пересказы и «сенсационные» родословные из интернета, которым верить на слово нельзя.

Эта лестница — не способ принизить шежіре. Это способ его сберечь: отделить крепкое знание от красивой выдумки, чтобы первое не утонуло во втором. Степь и сама всегда так делала — помните, как старики поправляли мальчишку, пока цепь не ложилась ровно? Наука сегодня делает то же самое, только инструментами своего века.

Когда у народа нет единого дерева

Здесь придётся сказать честную вещь, которая кого-то разочарует. Единого, утверждённого, «правильного» дерева всех казахских родов не существует. Разные шежіре расходятся в деталях; число родов в источниках называют разное; одни и те же роды у

разных авторов стоят на разных ветвях. И это не беда и не небрежность — это природа живой устной памяти, которая росла веками в разных концах огромной степи. Требовать от неё аптекарской точности — значит не понимать, что это такое.

Хороший пример такой осторожности — род ШАНЫШҚЫЛЫ из Ұлы жуза, о происхождении которого в источниках говорят по-разному. В казахских шежіре его возводят к Ұйсіну, прародителю Старшего жуза, и называют братом ҚАҢЛЫ — это родословная рамка, она показывает, куда род встроен среди своих. А историки добавляют само происхождение: Чокан Валиханов и другие связывают ШАНЫШҚЫЛЫ с древним племенем ҚАТАҒАН, чья судьба решилась в ҚАТАҒАН қырғыны около 1627 года; уцелевшие катаганы влились в казахов под этим именем. Эти две линии не спорят, а дополняют друг друга: одна говорит, куда род встроен, другая — откуда он пришёл.

А недавно к ним добавился третий, беспристрастный голос — генетика. Она показывает у ШАНЫШҚЫЛЫ монголо-нирунский корень (гаплогруппа C2), что согласуется с катаганской версией. И в этом вся суть зрелого отношения к шежіре: не выбирать одну красивую версию, а честно держать рядом и родословную рамку, и историю, и данные ДНК, отмечая, где кончается твёрдое знание.

В этом и есть зрелое отношение к шежіре: любить его — не значит верить каждому слову. Значит беречь, проверять и честно отмечать, где факт, а где красивая легенда. Ровно ради этого и затевался наш проект — и о нём, и о будущем степной памяти, последняя глава.

Шежіре завтра: зачем мы строим tegim.kz

Мы прошли долгий путь — от ночной степи и шёпота имён до архивов и чтения ДНК. Осталось ответить на вопрос, который тихо стоял за всем этим разговором: зачем это всё сегодня? Зачем человеку, у которого есть паспорт, фамилия и телефон с напоминаниями, знать своих семерых и помнить свой *Ру*?

Старики уходят, костры гаснут

Веками шежіре держалось на стариках у костра. Но костров почти не осталось. Молодёжь уезжает в города и за границу, языком семьи всё чаще становится не родной, старшее поколение уходит — и вместе с ним уходят имена, которые оно держало в памяти. То, что губили джут, джунгары и голод, теперь тихо доделывает время и расстояние. Спросите сегодня молодого человека, знает ли он семерых своих предков, — и слишком часто в ответ услышите неуверенное молчание.

Значит, нужен новый костёр. Новое место, где память может собираться, храниться и передаваться дальше, — на этот раз не в одной голове, а так, чтобы её нельзя было снова потерять с уходом одного старика. Таким костром мы и задумали **tegim.kz**.

Что мы делаем

Идея проста и прямо вырастает из всего, о чём мы говорили. **tegim.kz** — это живое продолжение шежіре в наши дни: место, где можно собирать имена, бережно выстраивать родовые линии, отмечать, где надёжный факт, а где предание, и сводить рядом разные версии родословных, не делая вид, что верна только одна. То, что веками держалось на памяти стариков, мы переносим в форму, которая переживёт нас и не сгорит.

Мы помним и про лестницу надёжности, и про честность с противоречиями — про всё, о чём говорили в главе о науке. Спорное мы помечаем как спорное. Легенду называем легендой. Источник —

указываем. Потому что память, в которую подмешана выдумка, со временем рассыпается, а нам нужна та, на которую сможет опереться и внук, и правнук.

«Өткеніңді білмей, болашағыңды болжай алмайсың».

«Не зная прошлого, не угадаешь будущего». В этом вся причина, по которой мы за это взялись.

Это тот же костёр

Можно сказать, что **tegim.kz** — это просто база данных. Но мы думаем иначе. Это тот же самый костёр, у которого старик называл внуку семерых предков, — только теперь у этого костра может сесть каждый, у кого в груди бьётся вопрос «чей я?». Тысячу лет память степи передавалась голосом. Мы хотим, чтобы она передавалась дальше — и больше никогда не зависела от того, успел ли один человек рассказать другому, прежде чем уйти.

Что значит «жетесіз»

Мы начали с темноты и шёпота. Тем же и закончим — но теперь, надеемся, эти шёпоты звучат для вас иначе.

Вернёмся к слову, с которого всё началось. *Жетесіз* — не знающий своих семи предков. Теперь видно, что это не просто упрёк в плохой памяти. Это слово о человеке, потерявшем нить, что связывает его с теми, кто был до него. О том, кто стоит как лист, оторванный от ветки, и не знает, какое дерево его держало. Степь жалела таких людей больше, чем бедных и больных, — потому что беднее всех тот, у кого отняли прошлое.

И вот в чём вся суть. Знать своих предков — не значит жить вчерашним днём или кичиться громкими именами в родословной. Это значит твёрдо стоять на ногах. Знать, что вы не случайны, что за вашей спиной — длинная цепь людей, которые любили, воевали, пахали, кочевали, теряли и выживали ради того, чтобы однажды на свет появились вы. Эта цепь не тянет назад — она держит. Как корни держат дерево, позволяя ему тянуться вверх и не падать на ветру.

Степь пронесла свою память сквозь резню, нашествие и голод — сквозь всё, что должно было её стереть. Она доверила её не камню и не бумаге, а самому ненадёжному и самому живому хранилищу — человеческому сердцу. И память выжила, потому что в каждом поколении находился кто-то, кто счёл её достойной того, чтобы передать дальше.

Может быть, читая эти строки, вы вспомнили лицо своего деда или бабушки. Может быть, поймали себя на мысли, что не знаете дальше третьего или четвёртого колена, — и что-то внутри кольнуло. Это хорошее чувство, его стоит беречь. Спросите, пока есть у кого. Запишите, пока помните. Имя, которое вы успеете сохранить сегодня, через сто лет окажется тем самым звеном, без которого чья-то цепь оборвалась бы навсегда. Степная память не требует от вас многого — она просит лишь не дать ей замолчать на вашем поколении.

Теперь очередь за нами. У костра снова кто-то садится ближе всех к огню, и приходит черёд назвать семерых. Может быть, это вы. И может быть, именно с вас нить, едва не оборвавшаяся, потянется дальше — к тем, кто ещё не родился, но однажды захочет узнать, чей он.

Прислушайтесь. Это не ветер.

Степь, которая помнит всё

tegim.kz — қазақ шежіресі әркімге

www.tegim.kz